

Егорова Ольга Николаевна

**"ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ" И "РЕАЛЬНЫЕ" СЛОВА В ЭКСПЕРИМЕНТЕ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ
НОСИТЕЛЯМИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/12-2/60.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 12 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 152-154. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

собственной природой, отрекается от себя, становится свидетелем своего собственного самоубийства. Неслучайно в финале романа автор вновь меняет повествовательные лица, играет местоимениями: «И *он* поднимает дубину, замахивается на белку, которая устало, сквозь смертную пелену смотрит на *него* *его* собственными глазами, и обрушивает на *себя*, на свою маленькую голову с торчащими ушами-кисточками, совершенно лживый, без следа мужественной прямооты и решительности, преступный удар.

После минуто спустя... *некто* стоит и думает о годах детской чистоты и безгрешности с большим сомнением: а были ли они?» [Там же, с. 316]. Объективность третьего лица переходит в кульминационно возвратное (как бумеранг!) «себя» и разрешается полным обезличиванием – «некто».

Это и вердикт автора (герой так и не смог стать «подлинным» человеком, как и многие персонажи русской прозы к. 1970-х – н. 1980-х гг.), и самокритика белки, умение посмотреть на себя со стороны, сделать свою собственную душу объектом художественного исследования. В этом последнем проявление исключительности белки, изначально присущего ему дара: «Я тайно знал, что, будучи белкой, я не мог избрать классических путей человеческих. Мне предстояло по судьбе нечто иное, быть может, тяжкое и одинокое, но непременно своё» [Там же, с. 89].

Смена точек видения здесь способствует раскрытию дара художника, его умения увидеть мир вокруг глазами другого человека или существа (например, пчелы). Герой набоковского «Дара» Ф. Годунов-Чердынцев называл это «умением сест в другого, как в кресло». Вот и белка, вспоминая своих близких друзей, инстинктивно пытается «обернуться» в них, тем более что ему важно понять, как думают и чувствуют «подлинные» люди, к которым он так жаждет присоединиться. Этот процесс воспоминания превращается у Кима в творческий акт по воссозданию из небытия людей и жизненных обстоятельств и соединяет в себе рациональное, эмоциональное и магическое начала.

Процесс творчества у Кима, с одной стороны, воссоздан вполне в романтическом духе. Рассказчик порой чувствует себя равным божеству: «Кто будет пить это зелье, неужто ты один, неимоверный брюхан, пожирающий искривлённых пространств и гравитационных полей, создатель чёрных дыр в космосе, невидимый нам исполин, вмещающийся, однако, в моей беличьей башке? кто кого породил - ты меня или я тебя, или мы вечно порождаем друг друга...» [Там же, с. 210]. Но с другой стороны, маленький зверек белка понимает, что «благодаря своему, увлеченному процессом своего творчества» художнику-Вселенной «безразлично дороги все его работы... поэтому ему наплевать, зверь или человек перед ним, он обоих любит, не замечая в них своих ошибок, безразлично ему и то, что в каждом из нас возьмёт верх – величие духа или низменная радость плоти; ему не до исправления ошибок – коли заметит её, то долой уберёт неудачное изделие и заменит новым, однако ошибки эти носим в себе мы...» [Там же, с. 276].

У белки это понимание скорее инстинктивное, осознанным оно становится у самого автора, точнее у некоего объективного начала, образ которого возникает в эпилоге. Формально оно обозначается местоимением «мы» и ассоциативно напоминает хор голосов в античной драме, воплощающий некую непреложную истину, которая должна быть принята за аксиому и героем, и читателем, или объективное и трезвое «мы» в научном исследовании. Причём подразумевается, что в этом общем «мы» читатель тоже играет не последнюю роль, ведь на протяжении всей книги к нему часто обращаются автор и герои. Этот «коллективный» автор открыто анализирует поступки белки и отстраняется от героя, снимая с себя ответственность за то, что последний так и не смог победить в себе зло: «Да, мы связаны с белкой, как мелодии, гармонии и способы контрапункта связаны с их творцом, – но бывает и так, что музыкальное произведение как бы начинает жить само по себе... словно независимое живое существо» [Там же, с. 319].

Всё это позволяет предположить, что в эпилоге романа возникает некий собирательный нравоучительный образ повествователя, в котором соединились голоса всех основных героев книги, написанной белкой, то есть само произведение в итоге вершит суд над своим творцом: «А теперь мы отпускаем тебя, иди в свой лес – ты исполнил свою песенку, белка». Сам же роман-сказка превращается в грандиозную притчу, где в аллегорической форме автор размышляет о человеческом в человеке, о «старухе-смерти», которая ведёт за собой «внучку-жизнь», о великом замысле творения мира и воскрешающем искусстве, способном привести к бессмертию.

Список литературы

1. Ким А. Белка. М.: Центрполиграф, 2001, 555 с.

«ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ» И «РЕАЛЬНЫЕ» СЛОВА В ЭКСПЕРИМЕНТЕ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ

Егорова Ольга Николаевна
Бийский Педагогический Государственный университет

Проблема взаимоотношения лексического и словообразовательного подходов к слову не нова, но до сих пор стоит в ряду тех дериватологических проблем, которые остались до конца не решенными. В связи с многогранностью и многоаспектностью лексического материала, одной из интереснейших проблем, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость, является исследование словарных единиц любого языка с позиций уровня лексической идиоматичности, выявление степени зависимости восприятия от морфемного строения слов, их идентификация в сознании иноязычного носителя.

При этом важная роль отводится мотивированности как связи значения слова со значением производного; «мотивированным» считают «слово, в значение и форму которого входят значения, а также форма (основа или её часть) другого слова, называемого мотивирующим (базой)» [Улуханов, 1992, с. 83]. При утрате данной связи возникает лексическая идиоматичность, вплоть до перехода слова в разряд непродуцируемых.

Зависимость семантики производных слов от их сочетаемости с продуцирующими состоит в следующем: производные, реализуемые, как правило, в традиционных связях с продуцирующими, приобретают типические значения, соответствующие модели-образцу по внешней и по внутренней форме. «Значение образца включает в себя единство, создаваемое совокупностью всех структурных компонентов деривата, включая систему флексий, а также сам факт интеграции морфем» [Земская, 2004, с. 142]. Примером служит пара: *читатель* - *писа-тель*, образованная средствами суффиксации по идентичному словообразовательному типу, однако наличие дополнительного семантического компонента у второго слова является очевидным. Отсутствие фразеологичности, таким образом, констатируется в тех словах, где лексическое значение не выходит за рамки словообразовательного значения образца: «все же есть значительные разряды нефразеологических слов, сконструированных по образцам, в которых лексическое значение полностью опирается на словообразовательное значение» [Там же, с. 26], что гипотетически должно обнаруживаться при восприятии *читатель* иноязычными носителями.

Согласно классификации М. В. Панова [2004, с. 147] все лексемы могут быть разделены на два типа – потенциальные (неидиоматичные), чье значение складывается из значения составляющих их частей, и реальные слова (идиоматичные), значение которых хотя и складывается из значения составляющих их морфем и определяется значением исходного простого (нечленимого) слова, может иметь нечто добавочное, индивидуально-свое, что нельзя узнать из словообразовательной модели, а необходимо знать заранее. На основании этого критерия потенциальные слова, предъявленные как стимулы в эксперименте для иноязычных носителей, должны показывать высокий процент опознания в противоположность реальным словам. Слова, которые описываются как потенциальные, по сути являются идиоматичными, т.к. формант многозначен, идиоматичное приращение возникает в результате взаимодействия семантик продуцирующей основы и форманта и приводит к асимметрии формальной и содержательной сторон производного знака.

Форма у слова действительно одна, но слова (продуцирующие основы, поскольку речь идет о производных словах) в большинстве своем многозначны, то же утверждение можно отнести и к значениям формантов, поэтому, когда соединяется многозначность основы с полисемичным аффиксом неизбежно возникает «формальная невыраженность, имплицитность тех или иных компонентов значения» [Антипов, Стрыгина, 2000, с. 17], что проявляется в ходе эксперимента по идентификации дериватов.

Выводы, полученные при анализе материалов экспериментального исследования - потенциальных и реальных слов русского языка, показывают определенную регулярность восприятия. Предсказуемость семантического наращения в реальном слове может варьироваться также как и в потенциальном слове, в зависимости от степени идиоматичности. Идиоматичность, с одной стороны, определяется размером расстояния между выраженным, «поверхностным» значением и, с другой стороны, возможностью предсказать направления, по которым может развиваться смысл, исходя из представленного словообразовательной формой минимума информации (то есть рассматривается выводимость и предсказуемость определения значения стимула).

Анализ реакций на антонимичную пару *писа-тель* - *чита-тель* ярко демонстрирует особенности интерпретации лексических значений, где по результатам эксперимента *писатель* - слово с лексической идиоматичностью, показывает более высокую степень мотивированности и идентифицируется испытуемыми правильнее в сравнении с неидиоматичным *читатель*, обладающим низкой мотивированностью.

При рассмотрении лексемы *писатель* подавляющее количество реакций были основаны на значении мотивирующей основы «to write» - писать, при анализе стимула *читатель* - большинство респондентов, вместо основы «to read» - читать, делают акцент на значении суффикса *-тель*. Идентификация слова всегда является сконструированным процессом, происходящим при участии стратегий (регулярности в принятии решений о значении стимула). Стратегии непосредственно связаны с основанием выбора, который может быть как правильным, так и неправильным. В случае неверного выбора, когда полученная дефиниция расходится с кодифицированным источником, исследователь имеет возможность увидеть и описать стратегии, использованные участниками эксперимента для раскрытия структуры смысла, рассматривая их появление как результат когнитивных процессов, протекающих в сознании индивида, применяя для этого логические закономерности. Отличие в стратегиях идентификации данной пары стимулов объясняется «несоответствием структуры смысла, эксплицируемой набором семантически гомогенных словообразовательных структур» [Мурясов, 1998, с. 98].

По нашему предположению, в мотивирующих основах, обладающих акциональностью, структура смысла создается разными направлениями развития: *to write* – в общем смысле, это передача информации от объекта (субъекта) вовне, что схематически может быть показано как , поэтому носители языка ориентируются, прежде всего, на мотивирующую основу, что обеспечивает правильность идентификации. При рассмотрении *to read* наблюдается обратное движение - получение информации извне каким-либо объектом (субъектом), изображенное в форме схемы , поэтому информанты акцентируют внимание на значениях формантов, что вызывает непознание.

По результатам анализа нашего экспериментального материала ряд потенциальных слов – *колокольчик*, *круж-ок* – также показывает низкий уровень идентификации. Интересным оказалось то, что информанты не рассматривали уменьшительное значение суффиксов как компонент значения слова, по-видимому, по причинам, связанным со спецификой английского словообразования.

В английском языке не развита система модификационных суффиксов со значением увеличительности, невзрослого существа, подобия, собирательности, уменьшительности, а существующие модификационные суффиксы отличаются малой продуктивностью и нерегулярностью. Все вышеназванные значения выражаются другими (лексическими), не суффиксальными способами. А поскольку последний способ нетипичен для системы английского языка, его носители совершенно игнорируют уменьшительное значение суффикса **-чик*, **-ок* (нет ни одной реакции со значением уменьшительности «little bell» – маленький колокольчик!). Непродуктивность словообразовательного способа выражения модификационных признаков в английском языке и его несоответствие по этому параметру русскому языку перенесло неидиоматичные лексемы *колокольчик*, *кружок* в разряд слов с высокой идиоматичностью.

Характер полученного материала – с включением слов с лексической идиоматичностью и неидиоматичных лексем, имеющих производные основы, – не показывает радикальных различий в опознании «реальных/потенциальных» единиц. Потенциальные слова с высокой степенью идиоматичности имеют такую же вероятность идентификации для иноязычных носителей, как и реальные слова с низкой степенью идиоматичности. Таким образом, классификация М. В. Панова не релевантна в качестве критерия отбора материала для эксперимента по восприятию идиоматичных лексем иноязычными носителями.

Таким образом, лексическая идиоматичность не связана напрямую с «потенциальными» или «реальными» словами, она является проблемой производного слова вообще, а точнее проблемой степени семантического наращения, которое может или не может быть раскрыто в силу различных причин, для изучения которых проводятся дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Антипов А. Г., Стрыгина О. В. Факторы фразеологизации значения производного слова // Наука и образование: материалы конференции. Белово, 2000. С. 17-20.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 221 с.
3. Мурашов Р. З. К теории парадигматики в лингвистике. Уфа: РИО БашГУ, 1998. 309 с.
4. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 568 с.
5. Улуханов И. С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 74-89.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИДИОМАТИЧНОЙ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Егорова Ольга Николаевна

Бийский педагогический государственный университет

Свойство идиоматичности на разных уровнях языка определяет нетождественность целого значению составляющих его частей при немотивированном выборе этих частей. Отсюда словообразовательная морфема как психолингвистическая единица является посредником, представляющим интерфейс между поверхностным уровнем (уровнем форм) и глубинным (уровнем значений) [Залевская, 1990; 1999]. Лексическая идиоматичность представляет сложность для восприятия иноязычными носителями. Степень сложности восприятия идиоматичной лексики может быть проверена в ходе эксперимента.

Испытуемым предлагались для опознания производные слова со средней степенью идиоматичности значения, т.е. имеющие некоторую степень мотивированности, достаточную для предположения о значении слова-стимула, в поморфемном переводе, с заданием определить значение слова, исходя из значений его компонентов. Эксперименты проводились с носителями русского и английского языков. В лингвистике имеется устойчивая тенденция трактовать подвижность лексического значения как маргинальное явление, как аномалию с точки зрения системы, однако по результатам нашего эксперимента эта особенность лексического значения проявляется как центральный, а не периферийный феномен. Об учете вариативности значения слова говорится также в книге Дж. Данбара [Dunbar, 1991], где гибкость и точность значения трактуются как комплементарные понятия. Автор подчеркивает, что значения слов в одно и то же время являются и вариативными, подвижными (flexible), и точными (precise), это подтверждается полученными данными по восприятию полиморфемных слов.

Процедура обработки слов-стимулов усложняется по мере возрастания степени идиоматичности в плане вариативности ответов и количества использованных стратегий. Однако, вне зависимости от степени идиоматичности, существуют факторы, влияние которых оказывает воздействие на процесс идентификации. Установленные факторы свидетельствуют о возможности/обязательности развития идиоматичности в том или ином слове. Они были выявлены в ходе экспериментальных исследований при сравнении верных и неверных реакций носителей двух языков.